

18+

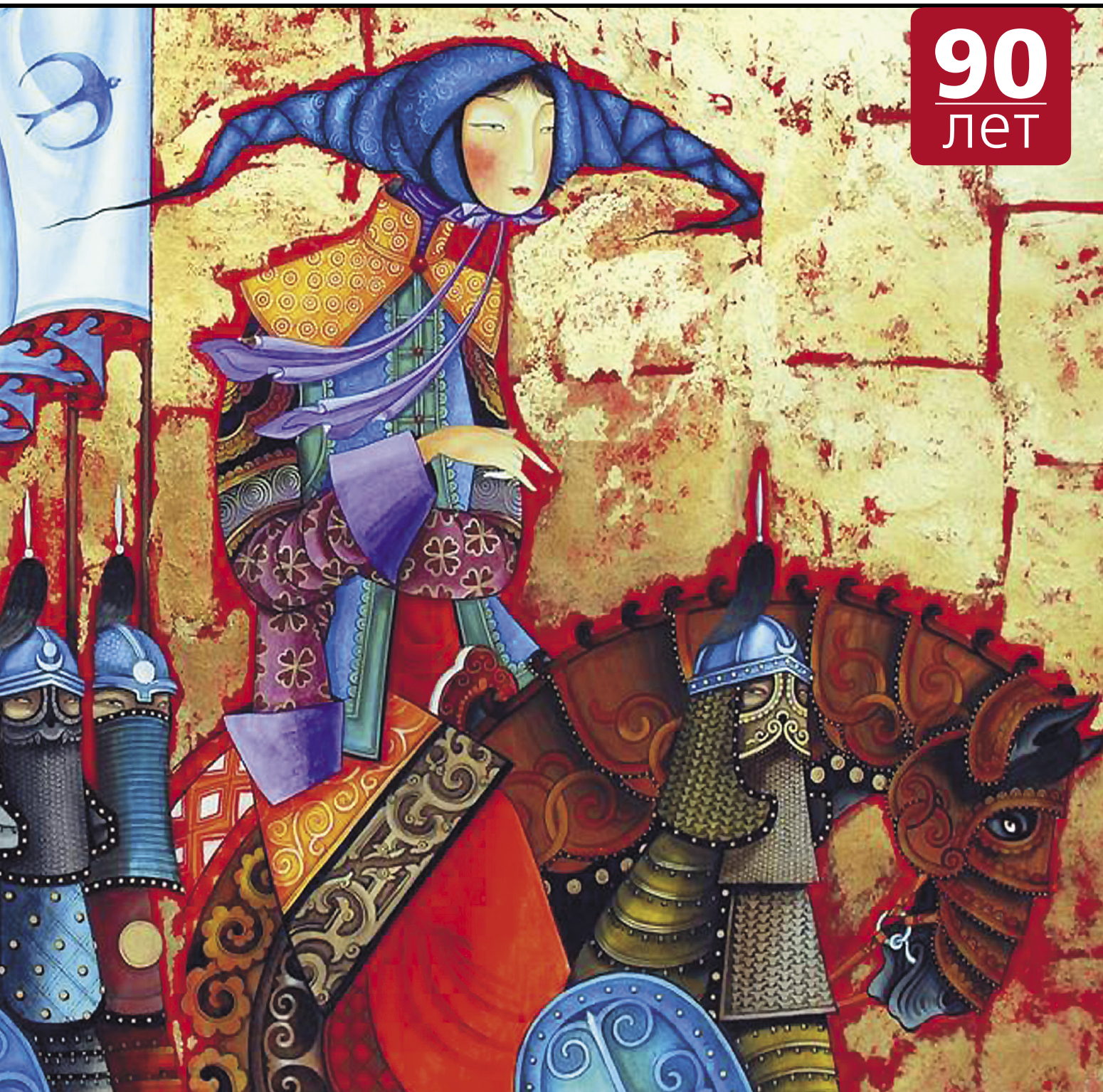
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

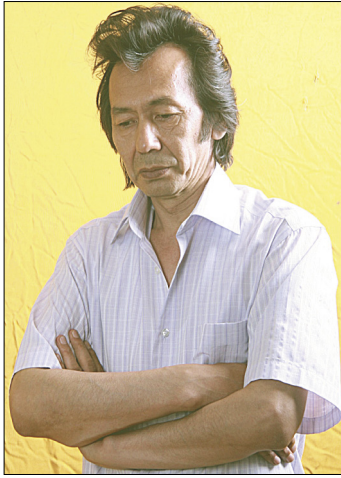
ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ЗЛАТО ЗАРЫТОГО КЛАДА

Ермеку Аманшаеву — с уважением

Видимые издалека, словно мираж изматывающие, до предгорий и горных отрогов которых не дойти, не добежать, — это и есть величественные Мугаджарские горы.

Летом их вершины ласково орошают дожди, зимой покрывает пушистый снег, погружая в глубокий сон этого тихого, но могучего богатыря — Мугаджары. Само время здесь выглядит утомлённым. Очевидцы всякой всячины, повывавшие то, чего не видывал никто, горы как будто разверзаются изнутри от безысходности, бессилия и устало вздыхают.

Иногда же вздрогнут и прохрипят:

— Где потеха наших бывших буйств вокруг красавицы и воительницы Кызданай¹? Сваренные в котле чести мужи, выбивавшие подковами своих коней искры, пропали давно и безвозвратно. Коль были мы очевидцами тех времён, то к чему нам травы иль пустошь дней нынешних? Как говорится, что бы и как бы ни пелось — всё есть брэнность и ложь. И вправду так.

Ставшая для многих ушей сказанием, слава и доблесть которой, соперничая, не уступали друг другу, резня за Кызданай началась меж скал и подножий Мугаджар, а вырвалась и на предгорные равнины, а затем и на простор степных миражей.

В этих предгорьях, со стороны восхода солнца, плечом к плечу, расположились три невзрачных дома. Похоже, не найдя другого пристанища, кроме как у подошвы гор, построены они в пору разрухи, когда уста, словно жало, выплёскивают яд, а руки упрямо тащат в ад.

Из крайнего дома в платке, завязанном так, что он напоминает сидящую чайку, вышла смуглая старуха. На давно увядшем, но сохраняющем мудрость

и опыт лице, отпечаток самих гор. Поискав взглядом, воскликнула:

— Кутаяк, ко мне! Кутаяк!

В это же время со двора соседнего дома раздался передразнивающий голос мужчины:

— Кутаяк, ко мне! Кутаяк!

— Прекрати, бестолочь! Говорила же тебе — сведёшь с ума собаку.

Потерявшая привлекательность, но сохранившая мудрость и опыт, смуглая старуха беззлобно отчитывает своего тоже старого, но всё же помоложе неё, соседа. Она может перешучиваться с ним до бесконечности.

— Посмотрите на его дурь! Довёл до околения супругу, доставшуюся, говорят, ему ещё девицей. Сыт, одет, обут — вот и бесится с жиру.

— Кутаяк!

Сидевший в тени у дома высокий светлицы и черноусый парень усмехнулся: «Сведёшь с ума собаку». Как можно свести с ума единственную в округе собаку с единственной кличкой? У неё и ума-то отродясь не было, не с чего и сводить.

Это внук той старухи, с которой любил перешучиваться моложавый старик. Вчера он заходил к ним в дом.

— Оу, потомок Котибара², что нового в твоём городе? — спросил он, как обычно, покашливая. — Да и мы живы, здоровы. Помогает, видать, сам Всевышний. И сумасбродная старуха, и я, безмозглый старик, и эта живущая рядом старая горбунья, — живём все, не тужим, не даём развалиться трём очагам.

— Ух ты, заметил, как возгордился, когда заговорил о горбунье?! — сострила старуха, вытягивая шерстяную нить, вытекающую из её стремительного веретена.

Тщедушный старик с тонкой журавлиной шеей долго не мог унять кашель, усилившийся после слов бабки, а потом потихоньку примолк.

— Твои родители хоть знают, что тебя исключили из училища и ты толкаешь тачку на базаре?

Задав этот вопрос, бабка пододвинулась к внуку, сжав веретено в руках, добавила без перехода:

— Пёс этот стал бродягой. Даже морду не воротит в сторону помоев. Пусть только попадётся мне на глаза...

— Не знают, я не говорил...

— Пропадите все пропадом, проклятые!

Давно потерявшая привлекательность, но сохранившая опыт и мудрость, смуглая старуха вложила оптом в это проклятье всю свою злость и на педагогов, думающих только о мздоимстве во время сессий, и на сына с невесткой, удравших в город добывать хлеб насущный.

— Они в Актобе! А учёба моя в Алматы. Тачку толкаю на Зелёном базаре. Откуда им это знать?.. — В голосе внука появилось уныние.

¹ Кызданай — в казахской мифологии: девушка-воительница, возлюбленная батыра Торемурата.

² Котибар — батыр, герой казахского эпоса.

Отрывисто покашливая, подошёл и старик.

— Приснился мне сегодня, перед рассветом, сон. Бог мой, даже трудно сказать, что это сон. Чистая явь!

— Рассказывай, растолкуем его...

Тот взглянул на старуху весьма неодобрительно.

— Как говорили в старину: «Не толкуйте к ночи сон». И ещё говорили: нельзя давать его растолковывать ни женщинам, ни родичам жены, ни зятю.

Бабка саркастически засмеялась и выпятила нижнюю губу.

— Расскажи вот об этом потомку Котеке¹.

— Я весь внимание, дядя.

— Это сон из времён давних буйств вокруг красавицы и воительницы Кызданай. Твой прадед богач, царствие ему небесное, святой и кристальный человек, восседая на своём аргамеке тёмно-рыжей масти, обвешанный пятью видами оружия, подсакал ко мне и воскликнул громовым голосом: «Эй, Тамшубай, что за лежбище ты тут устроил?! Похоже на то, что от нас уводят Кызданай. Вставай на бой, встань на битву! Моё плечо поражено стрелой. Если туркмены догадаются об этом, то всем нам несдобровать. Поддержав меня со всех сторон, как молнии и гром падите на головы врагов!» Смотрю, а кровь, из его левого рукава заливает гриву скакуна... Слава Господу, что мы ещё в детстве застали твоего прадеда, помним его густую бороду и мощь, ярый огонь в его неумолимо острых глазах.

— Что было потом, дядя?

— С криком и шумом, в одном лишь нижнем белье выскочил я из дома и стал искать свою клячу. Собачий скот, разве она даст найти себя в такую минуту!

— Неужели он так глуп, чтобы призывать тебя на бой? Я говорю о своём свекре-богаче... Свят, свят, надо же, без задней мысли разбудил во мне шайтана, чуть-чуть не затронула невзначай его святость, — обронила бабка.

Глаза у рослого парня с густыми усами загорелись:

— Что было потом, дядя?

— Смотрю, на равнинной местности у подножья горной гряды идёт кровавая сеча. Дикие воинские кличи. Пыль, покрывшая очи солнца и лик земли, ржанье коней и стоны воинов... Проснулся от страха.

Потерявшая привлекательность, но сохранившая мудрость и опыт, смуглая старуха продолжала вытягивать шерстяную нить, вытекающую из её стремительного веретена.

— Да... было это... Царствие небесное тому, кому стоило лишь взглянуть на небо, как у него в зубах оказывалась птица. В свои восемьдесят лет, подвергшись конфискации, был сослан в края, где выживают лишь собачьи упряжки. От него остался только один след-послед: твой дед Удербай, который пропал без вести под Сталинградом, а от того лишь твой

отец Жеткерген, что еле-еле породил тебя на свет, женившись только на старости лет. А от Жеткергена родился ты. Сплошь одиночества от одиночеств. Рождены от обречённости и сосватаны лишь по разу.

От сосчитываемых пяти пальцев на её руке не погнутому остался лишь мизинец.

— А куда подевались десять старших сестёр Удербая?

— Да выбрось ты из головы своей сосновой всех ветроподобных девиц и женщин! Они не могут быть ветвями родословной. Весь этот народ гол, как степной дол: ни числа в степях, ни следа в песках...

Как только речь коснулась пропавшего без вести супруга её Удербая, лик бабки зардел, а веретено завертелось так стремительно, что запестрело в глазах.

Жадный до шуток сосед не удержался и на этот раз:

— Говорят, всех без вести пропавших наших солдат прибрали к рукам горячие вдовы-немки. Если и жив, то, наверное, лопочет там: «Айн фрау, цвай фрау, драй фрау».

— Типун тебе на язык! Разве не сообщал нам Бакберген, что попали они под бомбардировку, после которой и пропал Удербай?

Бабка, похоже, безжалостно отправила деда светлоголица, черноусого парня под бомбы, чтоб только не ревновать к горячим немкам-вдовам. Сосед не скрывал своего удовольствия от того, что сумел-таки достать каргу своим колким языком.

— А что ты скажешь на то, что якобы исчезнувший на войне Куспан вдруг нашёл в Америке? Разве это не так?

— Пусть. Женился — так женился. Хоть краем глаза увидеть бы, как эти востроносые немки трясут перед ним своими телесами.

— Ну, допустим, увидела...

— Взляла бы, скрутила и заставила работать по дому...

— Эх, тётушка ты моя ненаглядная, до чего у тебя душа благородная.

У соседа покраснели глаза, и он заспешил к себе домой.

— Бабушка! — обратился Алмат, дождавшись, когда остались наедине. — Правда ли, что мой богатый прадед перед тем, как его сослали в края, где выживают лишь собачьи упряжки, закопал где-то золотой слиток величиной с конскую голову? Правда или нет?

Старуха порвала от неожиданности скручиваемую шерстяную нить.

— Да нет... легенда это... Шерстью верблюжонка оказалась, пропади она пропадом...

— Бабушка, зачем скрываете тайну, о которой знают даже девушки-цыганки в Алматы...

— Что?!

— Да, нагадали они мне по ладони...

— И что, описали тебе облик моего свёкра-богатея?

¹ Котеке — уважительное от Котибар.

Алмат громко расхохотался.

— Откуда им знать! Девушка-цыганка, оставившись на мою ладонь, наказала запомнить каждое её слово. Утверждала, что прадед мой, будучи богатым человеком, перед дальней и последней дорогой зарыл в землю своё золото. Мол, коль поищешь, то и обрящешь.

— Да что ты говоришь?!

— Как только услышал это гадание, так сразу и выбросил свою тачку. Признавайся, бабушка, где клад зарыл? Буду искать.

— Небось, рассказала, что бабка твоя приблизительно знает, где это сокровище?

— Да, конечно...

— Проклятье! Проклятые вы все!

Девушка-цыганка, красавица в красно-зелёном пёстром платье до пят, покачивая своим гибким станом, талией-тростинкой и бесноватыми бёдрами, не сказала, конечно: «Алмат, твоя бабка знает всё». Но намекнула. И не стала скрывать, что в случае обнаружения золота могут появиться опасность и риск.

— Некогда и твой отец, взяв в руки лопату и лом, пытался перерыть всю степь... Пока я не запретила ему. — По бабкиному лику поползли красные пятна: обычное явление, когда она сильно волнуется.

— Если это золото осталось от моего прадеда, то хозяин его теперь — я. Да, я самый!

Да пребудет душа его в раю, его прадед, заранее предвидя гонку друг за другом красных и белых, по всей видимости, закопал слиток злата величиной с конскую голову именно у подножья Мугаджарских гор. И место это намёком указал сыну Удербаю, единственному его отпечатку на белом свете, выросшему среди десятирех сестёр.

Её супруг характером был мягче овцы. На рассвете, за день до отправки на фронт, он, словно стесняясь своих слов, шептал: «Если плод в твоём чреве окажется мужского рода, то после рождения нареки его именем Жеткерген. Завещанная ему моим отцом доля закопана под корнями единственной сосны, растущей у подножья гор. Будь осторожна на язык! Как бы мы ни бегали от молвы о баснословном нашем наследстве, видать, всё же не сможем избежать слухов». Как будто знал, что не возвратится живым.

Слава Господу нашему, она в зубах, словно волчица, донесла его единственного сына до самой зрелости. Мучилась, но вырастила.

С трудом, но женила. Чтобы не пропал милостивый след свёкра. А тот взял да и помешался на мыслях о закопанном золоте. Не давал матери покоя.

— Думаешь, жалел меня? Видел бы, как он, даже во времена Советов талдыча, что обязательно найдёт своё зарытое богатство, дробил камни, поднимая пыль до небес. Не думал, что, найди он клад, «краснопогонники» погнали бы его впереди себя, да ещё и со свистом. И потом, не зря же утверждали жившие до нас люди, что там, где зарыто золото, обяза-

тельно водятся черти и демоны. «Стерегут сокровища змеиные скопища» — не нами замечено.

Чувствуя и зная всё это, разве могла она послать под крутой яр единственного воронёнка Удербая? — теперь уже сама с собой размышляла старуха. А тут эта какая-то проклятая цыганка разожгла огонь под подмётками внука.

— Внучек мой, мы хоть и небогаты, но не пухли же от голода и без этого злата... Выбрось из головы эту блажь... — Не успела завершить мысль, как глаза высокорослого и черноусого парня дико заблестели. Успела заметить — они как две капли воды похожи на вспыхнувший от поднесённого фитиля огонь в очах её незабвенного свёкра, о котором не уставал вспоминать жадный до перепалок престарелый сосед.

Так и быть, решила навсегда потерявшая цвет, но сохранившая мудрость и опыт старуха, нисколько не удивившись овладевшей ею дерзости: «К чему скрывать богатство предков от их потомка? Не запускает же он руку в сокровищницу чужих — пока берёт у своих. Пусть откопает казну, оставленную ему по наследству. Найдёт — заберёт. Не найдёт... Лишь бы обида не осталась в его душе. Не перепрятала же я клад, чтобы отдать его другим родичам! Так и быть, рискну-ка!..»

...Алмат, взяв в руки лопату и лом, подошёл к одинокой сосне, цеплявшейся за подножья гор, по утренней прохладе. Сосна уже состарилась. Растресканные ветви её высохли; ствол, который не вместился бы свободно даже в объёты двоих, начал крениться в сторону запада. В заостряющейся кверху кроне мелькнула и тут же исчезла белка, проворно вильнув пушистым хвостом. Хотя стояли погожие майские дни, но непохоже, чтобы старое дерево способно ещё хотя бы раз породить молодую поросль. Голое, бесплодное существо. Вонзил лопату в землю — она с хрустом перерубила высохший корень.

— Слиток величиной с конскую голову, — прошептал, не в силах удержать норовистый стук копыт в своём сердце. — Попался бы ты мне в руки!.. Купил бы квартиру в самом центре Алматы... Холил бы и лелеял свою бабушку... Да разобрался бы и с теми преподавателями, кто, не успев раскрыть рот, тут же требует мзду... Уже не просил бы, а требовал их растреклятый диплом! И родителям бы купил, подобрал квартиру со всеми удобствами. Потом... у подножья этих Мугаджарских гор воздвиг бы памятник в честь сгоревших на угольях любви храброму Торемурату и славной красавице и воительнице Кызданай. Поднял бы на постамент вставшего на дыбы скакуна тёмно-рыжей масти. Поддерживая под руки, снова воссадил бы на него, обвешанного пятью видами оружия своего прадеда-богача. Залил бы уши всем, кто явится к ним на поклон, рапсодией-кюем Курмангазы «Торе мурат». У людей разрывались бы сердца. Вот! Вот что можно сотворить с помощью слитка величиной с конскую голову!

Когда время перевалило за полдень, а он всё ещё копал и копал, появился Тамшыбай, обозначив свой приход привычным кашлем.

— Да пребудет с тобой сила, потомок Котеке-на! — пожелал он, глядя на парня и прищурился одним глазом.

Не зря говаривали: «У хитреца одно око всегда с прищуром», — подумал про себя юнец.

— Чем же провинилась одинокая сосна? Перерыл всё вокруг неё...

— Нужны корни. Целебны они.

— Значит, моя тётушка решила растирать поясницу сосновым отваром. Правильно, верно, — бормотал, сдвинув набекрень старую шляпу. Видно, что не верит словам парня. — А я вот вышел искать свою клячу. Собачий скот, разве он даст найти себя?

Держа в руках узду, ушёл, покачивая головой.

Когда яма стала глубиной по пояс, запыхавшись, приковыляла к юноше горбушка с мешком в руках.

— Э, да ты, милочка, оказывается, учишься в городе на землекопа! Видать, послали на практику? — воткнула в него своё ядовитое жало. Бесцветные глаза её пронзали холодом.

— Да нет же, тётушка... Решил приготовить целебный отвар.

— Мне тоже накапаешь потом немного. Вот, вышла собирать кизяк. Непутёвые, нет, что ли, у них задних проходов? Ни одной достойной внимания коровьей лепёшки...

Когда солнце стало спускаться с зенита, лопата наткнулась на какой-то мягкий предмет. Упав на колени, стал разгребать землю обеими руками. Показалась обветшавшая кошма. Видать, была некогда светлого окраса. Пробыв долго в сырой земле, покрылась тёмными пятнами. Сердце Алматы подпрыгнуло до гортани, а сам он ошалел от возбуждения. С дрожью в руках вынес этот увесистый комочек из ямы. Воровато оглядываясь по сторонам, не заметил никого живого, кроме пролетающей вдалеке вороны. Да вот ещё белка, которая не смела даже приблизиться, а теперь же — посмотри! — виляя хитрым хвостом, осмелела так, что лезет вплотную. Прочь! Сгинь! Эта казна оставлена не твоими предками!

Стал в возбуждении разворачивать ветхую кошму. Попался на глаза Коран с пожелтевшими и полусгнившими страницами. Видно, что обложка некогда была обтянута кожей. Но сейчас и она в никудашнем состоянии, вся в дырках и трещинах. Выбросив книгу, снова накинута на свёрток.

Бог мой, наконец-то, вот, вот оно — золото! Правда, не такое уж тяжёлое. Слиток по форме напоминал гусиное яйцо. Оно ярко блеснуло на солнце, словно обрадованное тем, что наконец-то увидело свет. Повернул слиток другим боком, заметил: на нём выгравированы какие-то знаки. Они оказались цифрами: четыре девятки, стройно выстроенные в единый ряд. Юноша недовольно проворчал про себя: «Надо же, придумали легенду о слитке величи-

ной с конскую голову... И всего-то? Но тем не менее чистой пробы червонное золото!»

Из безобразно разрытой ямы раздался шипящий свист. Резко повернулся на звук. Приподняв пёструю голову и покачивая ею, немигающими пристальными глазами смотрела на него кобра. Раздвоенный язык её дрожал, исторгая угрозу.

— Эй, Алмат! — прошипела кобра. — Оставь золото в покое! Семьдесят лет не смыкая глаз сторожила его, оно — моё!

Как ни испугался, но всё-таки пришёл в себя. Хотя ещё и дрожали колени, успел вскочить на ноги. Встретился с нею взглядом.

— Оно моего прадеда-богача! — взвизгнул. — Разве кто-то поручал тебе сторожить его?!

Прихватив слиток, ринулся на степной простор. Вослед ему раздавалось леденящее душу шипение.

Не успело золото блеснуть на солнце ещё раз, как Алмата окружили пять-шесть танцующих див. Звонко смеясь, тянули к нему руки, хватали со всех сторон.

— Страшились Корана, не смели даже подступить к слитку. Столько ждали тебя, заждались! Отдай нам сокровище, юноша-красавчик. Пойдём с нами! Будем вместе веселиться и резвиться.

«Демонические девы, сущие сирены, сбивавшие с толку самого Одиссея!» — успел подумать Алмат. — Но до чего же прекрасны, чертовки! А их смех, ослабляющий суставы? Ни в какое сравнение с ними не идут даже самые красивые алматинки.

Не успел моргнуть глазом, как откуда-то выплыла цыганка, гадавшая по его ладони на Зелёном базаре. Красавица в красно-зелёном пёстром платье длиной до пят, покачивая своим гибким станом, талией-тростинкой и бесноватыми бёдрами, устроила настоящую схватку с пятью-шестью демоническими дивами: таская их за волосы, била ногами, кричала в бешеном иступлении...

— Алматик, поделись! Половина клада моя! Будь моим мужем! Тогда всё станет моим!

Смотри, какой аппетит! Сила у неё невероятная, пусть сначала осилит эту кобру, которая, хоть и ползком, но уже почти настигла его.

В борьбе со злыми силами и не заметил, как оказался на просторе, на месте, овеянном славой буйств вокруг красавицы и воительницы Кызданай. Грянул гром, на который отозвалось эхо Мугаджарских гор. В воздухе раздался громкий перестук копыт. Заржали кони, прокатились вопли воинов.

Да это же Торемурат! Скакал на сивом скакуне, спасая свою возлюбленную и отбиваясь от туркмен. Осыпал их ударами сабли направо и налево. Сражается один. А где же красавица и воительница Кызданай? Отчего опаздывают оторванные отряды отважных казахов? Почему нет его прадеда со стрелой, попавшей в плечо?

Взгляд Алмата застлала пелена видений, правый глаз выкатился из орбиты, изо рта потоком потекла белая пена.

— Ни граммом не поделюсь! — кричал, прижав золото к груди. — Никому из вас не отдам его!

А это ещё кто рвётся к нему? Эй, что здесь делает этот тщедушный старик с журавлиной шеей — Тамшыбай?

— Мы хотя и дальние, но родственники. Укрывались одним одеялом. Слышал легенду о кладе, но не мог обнаружить его сам. Отдай, — кричал он, пытаясь на кляче настичь его.

— Отломи и мне кусочек, щедрый малый! Использую для исцеления своего недуга. Соседи тоже имеют право на свою долю! — визжала горбунья, нагоняя его и уставившись в душу бесцветными и холодными глазами.

Отшвырнул и её вместе с мешком собранного ею кизяка.

Сошедши с ума и вырвавшись на простор, бежал что есть мочи. За ним гнались шипящая кобра, демонические девы, девушка-цыганка, Тамшыбай, горбунья. Грызлись между собой, как свора собак. Рвали друг на друге одежду, волосы, но так и не могли настичь его.

Впереди возник отблеск небытия. Промелькнула светлая шёлковая вуаль, из-за которой выплыл его прадед-богач. Густая борода, физическая мощь — всё было точно таким, каким описывали очевидцы. Но пращур что-то беспокоило. Было неясно, шёл он или летел, но каким-то образом преградил дорогу юноше.

— Родной мой, раскрой глаза! Этот проклятый блестящий металл не давал покоя и мне. Он же и довёл меня до кончины. Избавься немедленно! Отдай его этим ненасытным существам!

У Алмата, правый глаз которого выкатился из орбиты, а изо рта потоком пузырилась белая пена, уже не было сил узнать своего предка. Подумал, что этот старец и есть вождь-аксакал всех дьявольских сил.

— А-а, теперь сам явился? Не смогли справиться со мной твои посланцы! Хочешь одурачить? Покажу тебе ад!

— Я же предок твой!

— Сгинь! Нет у меня предков! Никого у меня нет!

— Есть на белом свете нечто ценнее золота...

— Что ценнее?

— Честь, достоинство, довольство малым...

— Чуть собачья!

Ринувшись к предку, схватил за густую бороду. Дёрнув, повалил старца на землю. Сжав кадык, стал душить, воссев на его груди.

— Не сходи с ума, родной! — Густая борода предка, освободившаяся от хватки Алмата, колыхалась на ветру. Пращур со страхом уставился на парня, усевшегося на него, как ангел смерти на своего коня. Хотел промолвить ещё что-то, но не успел. Размахнувшись, правнук изо всей силы ударил его золотым слитком, похожим на гусиное яйцо, прямо в лоб.

— Вот тебе!

Возглас, прорвавший глухоту, прокатился по долине и, взобравшись на вершины гор, исчез.

— И ты меня тоже убил, родной мой!..

Видимые издалека, словно мираж изматывающие всех, кто пытается взобраться хотя бы на их предгорья, — это и есть Мугаджарские горы. Их Величество и Их Высочество.

Кажется, что это кроткие горы, вершины которых, балуясь, как дети, летом поливают дожди, а зимой покрывают снега. Кажется, что они погружены в глубокий сон. Что они до крайности устали, как устало и само время. Очевидцы всякой всячины, насквозь проеденные тем самым временем, распростёрлись, лежат, раскинувшись под тяжким своим бременем...